

# ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ

## 70-летие победы в Великой Отечественной войне

### ВЕХИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

#### МОСКОВСКАЯ БИТВА — ПЕРЕЛОМНОЕ СОБЫТИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

В.М. Фалин

Статья посвящена сражению за Москву в октябре—декабре 1941 г. Анализируются причины провала немецких войск, пыгавшихся окружить и взять Москву. Разбираются события, происходившие на подступах к Москве. Автор приводит данные о выступлении А. Гитлера в Берлине 5 октября 1941 г., в котором он признал провал блицкрига и боев за Москву и ее пригороды. В статье используются документы верховного командования вермахта, в которых отмечается, что после битвы за Москву немецким войскам не удалось ни на каком дальнейшем этапе войны восстановить качество и мораль своих вооруженных сил, с которыми рейх ринулся в поход за мировое господство.

Автор, видный общественный и политический деятель СССР, опирается также на личные воспоминания, беседы с выдающимися полководцами Великой Отечественной войны, в т.ч. И.С. Коневым.

**Ключевые слова:** московская битва, план «Барбаросса», И.В. Сталин, У. Черчилль, Ф.Д. Рузвельт, Г.К. Жуков, И.С. Конев.

Судьба одарила меня знакомством с плеядой полководцев, чьи имена начертаны на скрижалях Великой Отечественной войны. Встречи с ними позволяли выверить суждения историка о знаковых событиях, из которых складывалась архитрудная Победа. Воспроизведу диалог с И.С. Коневым. Вопрос: «Какое из сражений, в которых Вам довелось участвовать или командовать, Вы назвали бы — опустим эпитет „главное“ — ключевым на коварном пути одоления врагов?» Маршал: «Вне всяких сомнений Московская битва. Она во многом предопределяла не только дальнейший ход Отечественной, но и всей мировой войны. Рад, что ты это понимаешь. Не убеждай меня, а убеждай других».

Прежде чем представить читателю факты, подтверждающие оценки И.С. Конева и аналогичные суждения маршала Г.К. Жукова, полагаю уместным поубавить дегтя в изображении трагической картины первых недель и месяцев, выпавших на нашу долю в связи с вероломным нападением нацистской Германии.

Да, вероломное. Но гром грянул не с ясного неба. Наша разведка докладывала политическому руководству исчерпывающие данные о сосредоточении войск вермахта в непосредственной близости от советских границ. Расхождения в парутройку недель, касавшиеся даты агрессии, не меняли общей картины. Уроки польской, французской и балканской операций вермахта не пошли впровок. Сказались лакуны в командных структурах — следствие расправ 1937—1938 гг. над офицерскими кадрами старшего и высокого ранга.

Злопыхателям, смакующим наши тяжкие неудачи и поражения в начальный период Отечественной войны, стоило бы заглянуть в «Военный дневник Фр. Гальдера» (начальника генерального штаба сухопутных сил рейха) [1]. Никто не заподозрит этого соавтора «Барбароссы» в желании хотя бы обмолвиться добрым словом в адрес нашей страны.

Неоспоримо — в первые часы и дни немцы извлекали максимум выгоды из-за просчетов высших штабов Красной Армии в обустройстве линии обороны и отсутствия взаимодействия соединений и родов войск. Лишь на пятый день немецкая радиоразведка зафиксировала, что Москва восстанавливает «непосредственное руководство боевыми действиями». На восьмой день немецкое командование впервые установило «массовое разрушение» мостов при отступлении советских войск. Тем не менее, еще какое-то время к немцам попадали обильные запасы продовольствия и стратегических материалов. До одной трети потребности вермахта в горючем покрывалось за счет трофеев, словно не хватало спички, чтобы это добро при отходе уничтожить.

И тот же Гальдер почти на каждой странице фиксирует, как самоотверженно и даже «фанатически» сражались защитники Отечества. «Бои с русскими носили исключительно упорный характер. Захвачено лишь незначительное количество пленных» [1].

На тридцать четвертый день войны автор дневника констатировал: «Фактор внезапности ныне миновал... Совсем другой противник, поэтому — совсем другой опыт...» «Своеобразие страны и своеобразие характера русских придает кампании особую специфику. Первый серьезный противник» [1].

В начале августа Гитлер «заныл»: «Мы открыли дверь, не зная, что за ней находится». На то были веские причины: провал немцев и финнов на Мурманском направлении и под Ленинградом, переходившие из рук в руки Гродно и Рогачев, Злобин и Великие Луки, Ярцево и Умань.

Припомним — Франция пала ниц перед вермахтом за месяц. С 9 по 24 августа велись бои за Гомель. 12—25 августа держалась Старая Русса. Киевская стратегическая операция длилась с 7 июля по 26 сентября. В смоленском сражении (10 июля — 10 сентября) дал себя знать характер Г.К. Жукова. Организованный им контрудар под Ельней, местом рождения советской гвардии, заставил вермахт перейти к обороне.

«На всех участках фронта, где не ведется наступательных действий, войска измотаны, — зафиксировал 11 августа Гальдер. — То, что мы сейчас предпринимаем, является последней и в то же время сомнительной попыткой предотвратить

переход к позиционной войне [1]. Командование обладает крайне ограниченными средствами. Группы армий разобщены... В сражение брошены наши последние силы... Общая обстановка все очевиднее и яснее показывает, что колосс-Россия, который сознательно готовился к войне, несмотря на все затруднения, свойственные странам с тоталитарным режимом, был нами недооценен. Это утверждение можно распространить на все хозяйственные и организационные стороны, на средства сообщения и в особенности на чисто военные возможности русских. К началу войны мы имели против себя около 200 дивизий противника. Теперь мы насчитываем уже 360 дивизий противника. Эти дивизии, конечно, не так вооружены и не так укомплектованы, как наши, а их командование в тактическом отношении значительно слабее нашего, но как бы там ни было, эти дивизии есть. И даже если мы разобьем дюжину таких дивизий, русские сформируют новую дюжину».

По начальной версии «Барбароссы», нацистские войска должны были не позднее октября 1941 г. выдвинуться на рубеж Архангельск — Волга — Астрахань — Кавказ, чтобы вынудить Россию сдаться. Но уже в первую неделю августа командование вермахта озаботилось подготовкой к войне против СССР в зимних условиях.

Итак. Армии вторжения не удалось взять с ходу Ленинград, ибо группа армий «Север» сбилась с темпа на зачистке Прибалтики — территорию Эстонии полностью она взяла под контроль лишь 5 сентября. Базу Ханко героический советский гарнизон удерживал до конца ноября. А захвату северной столицы Гитлер уделял особое внимание. Балтийское море превращалось бы во внутренний водоем рейха. Швеция с ее военно-промышленным потенциалом и богатым месторождением железной руды попадала в немецкую суму.

Далее. Провалился стратегический замысел Гитлера прибрать к рукам, причем в рабочем состоянии, как во Франции, крупнейшие предприятия, расположенные на Украине, в Белоруссии, в Брянской и других областях. Ценой невероятного напряжения сил и средств удалось эвакуировать в восточные регионы страны более полутора тысяч заводов и их персонал, где они немедленно приступили к выпуску жизненно важной продукции. Уникальная в мировой практике эпопея.

Наконец. Смоленское сражение, оплаченное немцами тяжелыми людскими и материальными потерями, отсрочило по крайней мере на два месяца бросок вермахта на Москву или в обход Москвы к Волге. Советское командование выиграло время для возведения «живого щита». «Живой» — в данном случае не гипербола. Остановить рвавшегося напролом врага, залатать собственные ошибки и просчеты стоило огромного напряжения сил и громадных жертв.

Под напором высших немецких военных чинов Гитлер 6 сентября издал «директиву № 35»: «в кратчайшие сроки изготовиться к наступлению на Москву». Судя по документам, перевесило соображение — падение Москвы явится сигналом для вступления в войну против СССР Японии — миллионная Квантунская армия стояла наготове. На юге нас поджимали 27 турецких дивизий.

Операцию «Тайфун», развернувшуюся 2 октября, Гитлер в обращении к солдатам и офицерам объявлял «последней решающей битвой Второй мировой вой-

ны». «Тайфун» мыслился как венец блиц-крига. На захват Москвы отрядили 1 млн 800 тыс. личного состава, 1700 танков, свыше 14 тыс. орудий и минометов, 1390 самолетов. С нашей стороны агрессору противостояли 1 млн 250 тыс. бойцов. Плюс четверть миллиона скудно вооруженных ополченцев, 900 танков, 7600 орудий и минометов, 667 самолетов. В конце ноября — начале декабря «Тайфун» приказал долго жить. Советский воин, а не генерал мороз остановил врага. Во время крестового похода 1190 г. свирепый Барбаросса утонул в горной реке Селиф. Его нацистский обожатель захлебнулся на Москве-реке.

Как показал в 1945 г. генерал Йодль на допросе, Гитлер «раньше любого другого человека на свете чувствовал и знал — война проиграна», «после катастрофы, разразившейся зимой 1941/1942 гг., он отдавал себе отчет в том, что... с этого кульминационного момента, начавшегося 1942 г., победы быть не может».

В документах верховного командования вермахта значится, что после битвы за Москву агрессору не удалось ни на каком дальнейшем этапе войны восстановить то качество и мораль своих вооруженных сил, с которыми рейх ринулся в поход за мировое господство. Командующий группой армий «Центр» фон Бок был отправлен в отставку, фельдмаршал фон Браухич сложил с себя полномочия командующего войсками на Восточном фронте. Гитлер провозгласил себя главнокомандующим.

5 декабря перешел в контрнаступление Калининский фронт генерала И.С. Конева. На следующий день развернулось наступление Западного фронта под командованием генерала Г.К. Жукова, затем правого крыла Юго-Западного фронта маршала С.К. Тимошенко и другие соединения. Враг был отброшен на 100—250 км от столицы. В битве один на один с нацистским воинством, вобравшим потенциал всей Центральной и Западной Европы, Советский Союз одержал историческую победу. Открытие Второго фронта было за дальним горизонтом. Реальная помощь пришла от югославских партизан. Они сковывали 15—16 дивизий немецких и итальянских оккупантов.

Имелись все предпосылки превратить крах блицкрига в молниеносное поражение Германии во Второй мировой войне. По оценкам генерала Эйзенхауэра (в то время начальник управления планирования военного министерства США) и Г. Гопкинса (советник президента Фр. Рузвельта), при налаживании подлинного сотрудничества «демократий» с Советским Союзом война в Европе могла бы завершиться к концу 1942 — самое позднее в середине 1943 г. Для этого требовалось, чтобы декларации Лондона и Вашингтона преобразовались в дела.

Что же происходило на самом деле? Каким виделся «демократам» исход гигантской битвы на востоке?

Оставим без комментариев призывы крайне правого спектра США «спасти мир от тоталитарной (не нацистской, а советской) опасности», «вывести Соединенные Штаты и Англию на доминирующие позиции в мире». Ультраконсерваторы типа Дж. Ф. Даллеса, Г. Гувера, Г. Трумэна призывали стричь купоны с глобальной непогоды. «Не целесообразно спешить с вступлением в войну. Выгоднее подождать ее окончания, когда другие нации будут достаточно истощены, чтобы уступить военной, экономической и моральной мощи США» (Г. Гувер).

А какие настроения одолевали тогда правительственный Белый дом, госдепартамент, военное ведомство США?

Слово Г. Гопкинсу, ближайшему сподвижнику Фр. Рузвельта: «Проводившаяся президентом политика поддержки Великобритании окупала себя. Гитлер повернул влево». Насколько влево? В докладе главе Белого дома военный министр Г. Стимсон называл свершившееся «даром Провидения». Пентагон исходил из того, что самая мощная на тот момент армия будет занята разгромом России «минимум месяц, а максимум, возможно, три месяца... Эту непредвиденную и драгоценную передышку следует использовать для самых энергичных мер на Атлантическом театре военных действий... прежде, чем Германия высвободит ноги из русской трясины». Г. Стимсон выступал против оказания помощи Советскому Союзу поставками оружия. Логично. Какая весомая помощь, имейся желание ее оказать, поспела бы по назначению, если жертве агрессии отводился на отходную «максимум» квартал.

Британское политическое и военное руководство отмеряло Советскому Союзу от трех до шести недель на противостояние врагу. «Сотрудничество не переходит в военный союз, равно как нет каких-либо планов посылки вооруженных сил или поставок военных материалов», — гласила ориентировка, направленная британским командующим на периферию. Реальных планов, кроме фотогеничного «товарищеского пожатия рук», не обнаружилось и после подписания 12 июля 1941 г. советско-британского соглашения о совместных действиях в войне против Германии.

Призывы Сталина использовать аэродромы в Крыму для налета на нефтепромыслы Плоешти (Румыния) — главный источник снабжения горючим вермахта — не находили отклика. Зато британцы составляли планы ударов по Баку и Грозному, чтобы советские центры добычи углеводородов «не достались немцам».

Подоплеку столь неадекватного поведения не трудно вычислить. Авторы Атлантической хартии (опубликована 14.08.1941) пробавлялись постсоветскими категориями. Раз поражение СССР неизбежно, надлежало озаботиться тем, с какого бока подобраться к сонму пользователей русского наследства. В тексте Хартии нападение Германии на СССР, как и Японии на Китай, не упоминались [2]. Ни звука о солидарности с жертвами агрессий. Проводилась мысль, что достаточно сместить «режим» в нацистском рейхе — и развитие может пойти приемлемым для «демократов» чередом. Хартия, согласно Черчиллю, выражала готовность США «разделить с нами (британцами) управление миром до установления лучшего порядка».

Минуло меньше двух месяцев с момента подписания советско-британского соглашения о совместных действиях в войне против Германии, как Черчилль озадачил коллег по военному кабинету заявлением: «Возможность сепаратного мира (с Германией) не может быть исключена». Премьер явно откликнулся на зондажи внутригерманской фронды, которая подкидывала Лондону и Вашингтону различные модели компромиссного разрешения семейной ссоры. Речь еще не шла о свержении и тем более ликвидации фюрера. Достаточным считалось урезать его всевластие.

Доступные британские и американские документы испещрены данными, не вписывающимися в понятие партнерства, не говоря уже о союзничестве. К примеру, 15 октября 1941 г. Рузвельт известил Черчилля: «Я думаю, что они (японцы) направляются на север. Ввиду этого Вам и мне обеспечена двухмесячная передышка на Дальнем Востоке». Очередная «передышка». Командующий тихоокеанским флотом США Х. Киммбелл получил директиву: исходить из того, что «...наиболее вероятно война между Японией и Россией».

Для кого «передышка», а для кого смертельная угроза. К чему мог привести разворот Токио против СССР? Дольше пары месяцев войны на два фронта Советский Союз тогда едва ли выдержал бы. Коварство порой больно мстит. 07.12.1941 г. случился Пёрл Харбор.

Контрнаступление советских войск под Москвой сподвигло Черчилля на новые откровения в близком кругу: «Мы сделали публичное заявление (имеется в виду советско-британское соглашение от 12.07.1941), что не будем вести переговоры с Гитлером или нацистским режимом... Но мы пошли бы слишком далеко, если бы заявили, что не будем вести переговоры с Германией, взятой под контроль ее армией. Невозможно предсказать, какое по форме правительство может оказать в Германии, когда ее сопротивление будет ослаблено и она захочет вести переговоры». Позиция на грани предательства. Попытка в сговоре с противником лишить Советский Союз плодов ратного подвига, оплаченного неисчислимыми жертвами.

От откровенно русофобского курса У. Черчилль не откажется до конца войны. Сошлось на признание госсекретаря США К. Хэлла: «Мы всегда должны помнить, что своей героической борьбой против Германии русские, очевидно, спасли союзников от сепаратного мира. Такой мир унизил бы союзников и открыл двери для следующей Тридцатилетней войны».

Британский пароль «нет вечных врагов, нет вечных друзей», страсть чужими руками жар загребать во многом обусловили затягивание Второй мировой войны, поглотившей миллионы и миллионы жизней. В 1942 г. игра чужими судьбами грозила привести самих «демократов» на грань пропасти. Воспроизведу признание генерала Дж. Маршалла из его отчета «Победоносная война в Европе и на Тихом океане»: «В то время (1942 г.) Германия и Япония оказались настолько близки к завоеванию мирового господства, что мы до сих пор еще по-настоящему не осознали, сколь тонкой была нить, на которой висела судьба Объединенных Наций. Ради справедливости следует сказать, что наша роль в предотвращении катастрофы в те дни не делает нам чести».

Мораль и политика суть вещи несовместные.

Не устану повторять. Провал «Барбароссы» знаменовал необратимый крах доктрины, с которой германский империализм связывал планы установления континентального и планетарного господства. Запасного варианта войны на выигрыш Берлин по сути не имел. В позиционной войне рейх был заведомо обречен. При скоординированных действиях держав Антигитлеровской коалиции провал стратегии блицкригов, достигшей апогея в «восточном походе», вполне мог бы перерасти в сравнительно быстрый разгром нацистского рейха. Без Германии вскоре испустила бы дух и Япония.

## ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939—1942 гг. В 3 т. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1968—1971.
- [2] Атлантическая хартия (Англо-Американская декларация). Сборник «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной Войны. Документы и материалы». Т. 1 // ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы, 1944. С. 147—148; Сборник «Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945». М., 1983. Т. 1. С. 131—132.

## THE BATTLE OF MOSCOW — TURNING POINT OF THE SECOND WORLD WAR

V.M. Falin

The article is dedicated to the Battle of Moscow in October- December, 1941. Author analyzes the causes of the failure of German army, who tries to encircle and capture Moscow, the events taking place on the outskirts of Moscow, German troops attempts to encircle Moscow. The author presents data on the speech by Adolf Hitler in Berlin on October 5, 1941, in which he acknowledged the failure of the Blitzkrieg and the Battle for Moscow and its suburbs.

The researcher uses the documents of the Wehrmacht High Command, which stated that after the Battle of Moscow, German troops could not on any further stage of the war to restore the quality and morale of the armed forces, with whom Reich rushed to a campaign for world domination.

The author, a prominent public and political figure of the USSR, also relies on personal recollections, interviews with prominent generals of World War II, including I. Konev.

**Key words:** The Battle of Moscow, the plan «Barbarossa», I.V. Stalin, W. Churchill, F.D. Roosevelt, G.K. Zhulov, I.S. Konev.

## REFERENCES

- [1] Halder F. War Diary. Daily records Chief of General Staff of the Land Forces 1939—1942. In three issues. M.: Military Publishing House of the Ministry of Defense of the USSR, 1968—1971.
- [2] The Atlantic Charter (Anglo-American Declaration). Collection of «Foreign policy of the Soviet Union during World War II. Documents and materials». Т. 1 // OGIЗ. State Publishing House of Political Literature, 1944. pp. 147—148; A collection of «Soviet-British relations during the Great Patriotic War of 1941—1945». М., 1983. Т. 1. P. 131—132.